

Список литературы:

1. Берлин И. Две концепции свободы // http://krotov.info/library/02_b/er/lin.htm; дата обращения: 26.02.2018.
2. Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). Политиздат, М.: 1974. С. 265-266.
3. Bologna with Students Eyes // <https://www.esu-online.org/?news=bologna-student-eyes-2018>; дата обращения: 10.03.2018.
4. The Black Book of Bologna Process. – National Unions of Students in Europe, May, 2005 // https://tckeducation.files.wordpress.com/2010/11/bologna_black-book1.pdf; дата обращения: 10.03.2018.

Лезьер В.

г. Бринель Франция, Д.ф.н. профессор Президент Центра культуры и познания

ПАРАДИГМА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ Л.И. ШЕСТОВА КАК ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИФОНИИ КУЛЬТУР

В статье рассматриваются религиозные воззрения Льва Исааковича Шестова, одного из самых оригинальных и парадоксальных философов 20 века. В своих произведениях Шестов предвосхитил парадоксальные, эклектичные умонастроение и характер духовных исканий века сегодняшнего. Его философское наследие можно назвать связующим звеном российской и западной философских традиций.

Ключевые слова: Экзистенциальная философия, принуждение истины, апофеоз беспочвенности, адогматическое мышление, философия веры, библейско-богоискательская мысль

This article considers the religious views of Lev Shestov as one of the original and paradoxical researches of the 20 century.

Shestov previews in his works the complicated mind and religious searches of the modern epoch. The philosophical heritage of Lev Shestov is considered to be crucial in Russian and Western philosophy.

Keywords: Existentialism, truth totality, antidogmatic mind, philosophy of religion.

Введение:

Философия Льва Исааковича Шестова (1866-1938) является подлинно экзистенциальной философией, ибо экзистенциальная истина у него является ответом на акт человеческого отчаяния. Шестов повторяет слова С.Кьеркегора: если греческая философия начиналась с «удивления», то экзистенциальная философия начинается с отчаяния. Вера у Шестова неотделима от отчаяния, и только в акте безрассудной отчаянной борьбы человек способен прорваться к истине. «Вера начинается тогда, - пишет Шестов, - когда по всем очевидностям всякие возможности кончены, когда и опыт и разумение наше без колебаний свидетельствуют, что для человека нет и быть не может никаких надежд» [17. С. 402].

И только когда разум погас, и силы исчерпаны, вера рождает истину – не в качестве знания, а в качестве новой реальности. И с этой реальностью имеет дело экзистенциальная философия. «Экзистенциальная философия, - подчеркивает Шестов, - есть философия *deprofundis*. Она не вопрошает, не допрашивает, а взывает, обогащая мышление совсем чуждым и непостижимым для философии умозрительной измерением. Она ждет ответа не от нашего разумения, не от видения – а от Бога. От Бога, для которого нет ничего невозможного, который держит в своих руках все истины, который властен и над настоящим, и над прошлым, и над будущим». [17. С. 402-403] «*Deprofundis*» в переводе с латыни – «из глубины». А это значит, что экзистенциализм, по убеждению Шестов, есть философствование, соответствующее глубинным стремлениям человека. Это философия, решающая кардинальные вопросы его существования, и именно тогда, когда никакими известными способами они неразрешимы.

В содержании произведений Шестова обнаруживается

Лезьер В. ПАРАДИГМА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ ...

уникальная интерпретация учений выдающихся мыслителей, таких как: Платон, Аристотель, Плотин, Тертуллиан, Августин, М. Лютер, Р.Декарт, Б.Паскаль, Б. Спиноза, И.Кант, Г.В.Ф.Гегель, С.Кьеркегор, Ф.Ницше. Книга содержит и главы, в которых рассматривается эволюция представлений Шестова о творчестве великих русских писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, ряд страниц посвящены его оценкам произведений А.С. Пушкина, А.П. Чехова, И.С. Тургенева. На примере философствования Л.Шестова открывается возможность исследовать умонастроение XX века, в сложной амбивалентности которого соединяются мир и человек, его сознание, проблемы познания и ценностей.

Апофеоз беспочвенности

Уже в ранний период творчества, названный апофеоз беспочвенности - который шестоведы относят к 1905-1911 гг, философ обнаруживает в структуре бытия две сферы: уровень необходимого, закономерного и уровень случайного, которые связаны друг с другом по «принципу дополнительности», и не существуют изолированно. Множественность способов освоения человеком среды, его бытия-в-мире непосредственным образом коренится в полифоничности этого мира. При этом тема множественности мира тесно переплетается у Шестова с темой трагедии, отчаяния: лишь потеря надежды, потеря «точки опоры» в реальной жизни открывает человеку глаза на многообразие мира, выбивая его из плоскости мировоззренческого оптимизма, и определяет начало подлинного мышления. Именно здесь сформировался «опыт адогматического мышления», позволяющий философу открыть «столько истин, сколько людей на земле» [10. С. 206].

В стремлении познать силу индивидуального творчества, которое ведет к истине - общению, истине - пониманию между людьми, Шестов определяет кредо беспочвенности. Философ пишет: «Нет идеи, нет идей, нет последовательности, есть противоречия, но ведь этого именно я и добивался, как, может быть, читатель уже и угадал из самого заглавия. Беспочвенность, даже апофеоз беспочвенности, — может ли тут быть разговор о внешней законченности, когда вся моя задача состояла именно в том, чтоб раз навсегда избавиться от всякого рода начал и концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателя-

ми великих и не великих философских систем» [11. С. 320-321].

Для Шестова беспочвенность - это то, что дает ощущение падения, полета, парения-над, это то, что сливает восторг и ужас в одно целое и, как ни странно, придает уверенность в правильности жизненного и творческого пути. Шестова влекут вопросы, на которые здравый разум или логическое мышление никогда не смогут дать ответов. «Как ни трудно в этом признаться, но ведь несомненно, что великие тайны мироздания не могут быть выявлены с той ясностью и отчетливостью, с которой нам открывается видимый и осязаемый мир» - пишет Шестов. - «Не только для других – самого себя ты не убедишь в своей истине с той очевидностью, с какой удастся убедить всех без исключения в истинах научных» [13. С. 42].

Шестов рвется к незаконченным, беспорядочным, хаотическим, не ведущим к обоснованным разумом целям, размышлениям. Он убежден в том, что именно сомнение, становясь «постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни. Ибо твердое знание есть условие несовершенного восприятия... Но созревший дух презирает эти костыли. Ему надоело пресмыкаться на земле, он отрывается от «родной» почвы и уходит ввысь, вдале, в бесконечное пространство...» [11. С. 379-380].

Эти противоречивые, как жизненный процесс, размышления складываются у него в «апофеоз беспочвенности» - в философские устремления обрести самого себя, свободного от страха взлета или падения. Преодолевая почти физический страх утраты равновесия («растопыренные руки, болтающиеся в воздухе ноги, испуганное и наполовину бессмысленное лицо, словом самая карикатурная и ужасная картина беспомощности и растерянности»), он обретает свободу самовыражения [10. С. 131.] Здесь нет общеобязательности и требований объективности истин, отвечающих на вопрос: какова действительность? Здесь жажда истины тайн, которые как «некое живое существо, что не стоит равнодушно и безразлично пред нами и пассивно ждет, пока мы подойдем к нему и возьмем его. Мы волнуемся, мучаемся, рвемся к истине, но и истине чего-то нужно от нас <...>» [16. С. 152].

Не практика или соответствие знания факту, не мир скудной эмпирии, - единственным критерием «истинности», по

Шестову, становится только испытание. Философ вводит в сферу познания «неизъяснимые» порывы человеческой души, ее открытость таинственному, неведомому, и от того еще более притягательному. Такое знание-откровение сродни состоянию полета, высшему, вдохновенному проникновению в глубины бытия. Именно так Платону открылись его идеи, Плотин постиг тайну «солнцеподобного» видения, Паскаль заглянул в бездну и воспарил над ней, Кьеркегор испытал состояние высшего «страха и трепета»...

Так емко определил философ и свое собственное место в мире философии, вынеся себя за пределы истории и науки, освободившись от власти самоочевидных истин и законов логики, вступив в зыбкую и никогда до конца не объяснимую область абсурда и парадокса. Его взгляд - «второе измерение» мышления - не доступен спящему, вялому сознанию. Сознанию, опирающемуся на скрижали прошлого опыта. Бросаясь вслед за «бодрствующим сознанием» - сознанием «на краю», в запредельных сферах возможного, Шестов создает текст, адресат которого - читатель, открывающий собственное пространство «за пределом» возможного.

Философия веры

Главная интенция в позднем творчестве Л. Шестова – это философия веры. В сочинениях философа этого периода открывается специфика веры в её несводимости к разуму, глубоко осознается её однообразие. В противоположность традиционной для русской религиозной философии и богословия точке зрения о том, что путь веры есть путь трудной героической борьбы, религиозная вера, по Шестову – это высшая степень освобождения человека от власти самоочевидных истин, прорыв в область абсолютной свободы. Библейская вера становится в его сочинениях оплотом в утверждениях релятивности любых рациональных построений. Вера позволяет понять ограниченность разума и выводит человека в область, неподконтрольную логически выстроенным истинам разума, в сферу, где царит божественный произвол. Основной вопрос религиозной философии Шестов формулирует следующим образом: «...Точно ли можно найти Бога лишь тогда, когда согласишься порвать с обычным спутником и вожатым нашей жизни, разумом, или разум необходим даже для отдаленных странствований?» [16. С. 107-108].

И дает вполне определенный, полный убежденности в правоте, ответ: вера несовместима с разумом, «либо разум, либо вера» - третьего не дано. [16. С. 270] Заметим, что аналогичное понимание веры будет характерно и для европейского религиозного экзистенциализма: в частности, Г. Марсель определяет веру как «род чувства, которое не может интеллектуализироваться, превратиться в суждение, не только не изменив своей природы, но и не потеряв, быть - может, всего своего значения» [9. С. 68].

Избегая любой рационализации, в «Великих канунах», в статье «Логика религиозного творчества» Шестов отмечает несовместимость экзистенциальной веры и религиозной системы: «Своеволие тут разрешается только на один раз и молчаливо предполагает затем вечную покорность» [13. С. 294] Парадоксальность, невыразимость логическими способами религиозного творчества в полной мере выявляется философом в работе «Sola fide»: за моментом личного, экзистенциального порыва к вере неизбежно следует попытка сформулировать спонтанные интуиции, превратить их в учение, согласовать с прежними идеями и авторитетами, добиться для них всеобщего признания – и в итоге на свет рождается новая рационализированная система догматов, обрядов, предписаний, требующая беспрекословного к себе повиновения, то есть провозглашающая себя, а не бога, главным объектом веры. 18

В работах Шестова зрелого периода трагические мотивы в философии веры усиливаются, складывается, свойственная философу, противоречивая парадигма религиозного сознания. Философ, в конце концов, приходит к убеждению, что путь к подлинной, экзистенциальной вере лежит не только через личную трагедию, но через грех. «Если к истинной религии можно прийти только через грех и если не грешивший не может уверовать – то, стало быть, грех есть необходимое условие веры. И т.к. ... вера есть высшая ценность, то, значит, и ее необходимое условие, грех – должен быть тоже высоко оценен» [18. С. 124], - пишет мыслитель в «Sola fide». В книге «На весах Иова» эта мысль звучит еще более выпукло: к вере ведет не всякий грех, а считающийся самым тяжким – грех неверия. По Шестову, лишь глубоко прочувствовав ситуацию богооставленности, человек утрачивает интерес к традиционной религиозной догматике и стремится «творить

из ничего»: «И рече безумец в сердце своем: несть Бог. Иногда это бывает признаком конца и смерти. Иногда – начала и жизни. Почувствовав, что нет Бога, человек постигает вдруг кошмарный ужас и дикое безумие земного человеческого существования и, постигши, пробуждается, если не к последнему, то к предпоследнему знанию» [15. С. 237-238] Так, тесным образом оказываются взаимосвязанными в философии Шестова категории греха и веры.

Понимание веры у Льва Шестова во многом базируется на ветхозаветном предании и практике иудаизма. Библейское видение божественной реальности, как неизречимой и никогда до конца не поддающейся рационально-философской интерпретации, лежит в основе всех его размышлений о природе человеческой свободы и творчества.

Размышляя о месте Бога в философии Льва Шестова, крупный историк философии XX века В.В. Зеньковский говорил: «Шестов теоцентричен (как, может быть, никто в русской философии...)» [5. С. 82]. В.Л. Курабцев возражает ему, подчеркивая религиозный антропоцентризм Шестова: «Бог – ради свободы, жизни, спасения человека, а не Бог как всеподавляющая самоценность» [7. С. 224]. Шестов являл собой поиск нового религиозного пути, далекий и «от иудаизма, и от христианства, и от классической философии, и от Библии, и даже во многом от религиозной веры» [7. С. 225].

О парадоксальности веры и неверия Льва Шестова говорят как его собственные размышления, так и свидетельства близких ему людей. Анна Елеазаровна написала строки об умершем муже: «...У него было такое светлое, спокойное лицо, что думается – он нашел, что искал всю жизнь, и его глубокая вера оправдалась» [1. С. 202].

По свидетельству Н.Барановой-Шестовой, незадолго до смерти Лев Исаакович признавался Б.Фондану, что тысячи лет люди непрестанно молились, просили у Бога помощи, но ужасы все - таки наступали. Однако пророки и апостолы продолжали надеяться на Бога и не теряли веры. «Я тоже не мог одолеть этой трудности: я мог только бороться...» [1. С. 183-184].

По ироничному замечанию В.Л. Курабцева, рожденный иудеем, но воспитанный больше как «эллин», Лев Шестов «мечтал о ветхозаветной райской свободе, а это означало известную свободу и от обычного «иудея», и от европейца – «эллина». Даже внешне (куда проникал его дух) он многим

казался...скорее не современным человеком, а ветхозаветным пророком». [7. С. 71] В письме к Б.Шлецеру он признавался в сильном чувстве от чтения псалмов: «в псалмах взлет на крыльях»[1. С. 131]. Философ сожалел, что человечество подчинено безбожию и неверию, что выдающиеся умы – Хайдеггер, Ясперс, Шелер и другие – не понимают ценности Библии, и дерево познания закрывает путь к тому, «что живому человеку дороже всего»[1. С.193]. Большая доля правды содержится в словах С.Н. Булгакова из письма к Шестову, незадолго до смерти последнего: « Ваш апофеоз беспочвенности таит в себе абсолютную почву ветхозаветного откровения»[1. С. 193].

Библия понималась Л.Шестовым как самая вдохновенная философия, она «глубже и проникновеннее современной философии» [15. С. 246]. Л. Шестова влечет, в первую очередь, идея человека как образа и подобия Божия, именно в ней он видит сущность библейской мысли. Философ возвращается к торжественному провозглашению творческого начала в человеке, восходящего к Адаму, который был свободный творец, наделенный «державным правом участвовать в творческом fiat (да будет)». [12. С. 22] Невинность первого человека, по его представлениям, была затемнена актом грехопадения, сокрушена познанием. Как справедливо замечает В.Л. Курабцев, «тайна грехопадения становится одним из метафизических центров философии Шестова, потому что это начало пути от Бога, Жизни и Свободы (беспредельной возможности) к свойствам, которых «у Бога нет»[14. С. 160].

Поздний Л. Шестов в библейской онтологии подчеркивает две важные для него идеи: во-первых, идею сотворенных Богом бытия и истины: «философия «Исхода» говорит нам, что истина...сотворена Богом, и в Его власти» [12. С. 162]; во-вторых, идею библейской веры в Бога, веры такой силы, что она не только созидает бытие, но и преодолевает мрак смерти. Тема библейской онтологии становится центральной в последних произведениях Л. Шестова «Киркегард и экзистенциальная философия», «Афины и Иерусалим».

В книгах Ветхого Завета Л.Шестов обнаруживает те персонажи, которым удалось победить власть Ничто – Необходимости, противостоящей Богу силой принуждения. Например, это Иов, который обратил к Богу протест, все отчаянное

свое борец против несправедливости. Любимыми ветхозаветными пророками философа, кроме того, можно назвать Исайю, Иеремию, Иезекииля, царя Давида, из праотцев – Авраама. Что привлекает Шестова в жизни и деятельности пророков? В первую очередь, их бесконечная смелость и дерзновенность веры, то вдохновенное безумие, власти которого открывались истины божественного мира. Как говорил философ, их вел Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова. Каким, по Шестову, предстает Бог? Его Бог наделен чувствами, Он радуется и печалится, Он добр и зол, и абсолютно беспочвен. Веру в такого Бога Л. Шестов выводит за пределы обыденной веры прихожан, конфессиональной веры, молитвенной и монашеской. Вера, по Шестову, уникальна, иррациональна, близка к формуле Тертуллиана «верую, потому что нелепо...», она дана человеку в сложнейшем акте восхождения из мира обыденности, в результате парадоксального поиска мира Иного. Вера снисходит как величайшее чудо Откровения о том, что для Бога все возможно. Бердяев подчеркивает, что шестовские переживания глубоко мистичны: «Острое ощущение этой глубокой таинственности всей жизни есть также мистика» [3. С. 165]. Действительно, в содержании шестовских произведений звучат мотивы гностической мистики, к которой Бердяев относит мистику Плотина, Каббалы, католической мистики, что «проходя через разные этапы, через «темную ночь», достигает *union divine*, слияния с Богом». [3. С. 165] А вот «иные миры», о которых часто говорит Шестов, во множестве признаются в мистико-иудаистской Каббале.

И все же, на вопрос о том, «библейский» ли Шестов мыслитель, нельзя дать безоговорочно положительный ответ. Как резонно замечает Н.К. Бонецкая, «в глазах любого богослова-метафизика, Бог Шестова – а Он в принципе лишен каких бы то ни было конкретных определений – есть не столько Божественная Личность Ветхого Завета, сколько напоминает каббалистический Эн-Соф, т.е. «ничто или Бесконечное» [6. С.153]. Точнее же, Бог Шестова – это чистый, ничем не мотивированный акт, <...> таинственная сфера божественных возможностей, потенций» [4. С. 12]

Учитывая изложенное выше, можно определить религиозность Шестова как «библейско-богоисследовательскую», с достаточным влиянием Каббалы и древнееврейской апо-

фатической веры [7. С. 79]. Шестовское понимание Бога отличалось, согласно М.Малербу, от иудаизма тем, что в последнем Богу принадлежит все, включая случай, *Fatum*; что Бог есть «Верховный Судия», прощающий, наказывающий «нас по делам нашим» [8. С. 73]. Эту идею Бога Шестов не мог принять, полагая ее как верховенство каменных скрижалей над живой тайной Откровения.

Таким образом, Л.Шестову был присущ «анти-теизм, отрицание традиционных религиозных понятий о Боге» [2. С. 96]. Он ищет своего, личного Бога, и часто вопреки библейским установлениям. «Даже религия, – пишет философ, – как бы возвышенна и глубока она ни была, в лучшем случае есть только сосуд, хранилище, ризы для абсолютного» [12. С. 237], для святости. Своевольно Л.Шестов обошелся и с конфессиями, полагая, что православие, католицизм и протестантизм исказили истину – Книги Ветхого и Нового Заветов. Словно от лица подпольного человека он резко обращается к католикам: Ваш Бог – «гнусный идол – одна из тех...выгод, дальше которых вы никогда ...не пойдете» [14. С. 42]. Откровение побеждено, что же осталось? – вопрошает Шестов. Вместо свободы во Христе католики избрали «власть ключей» от Царства Небесного, вместо Церкви невидимой – благополучие и порядок от римского папы, вместо Августина – Пелагий с его мыслью о спасении личными усилиями, без Божьего чуда и Добра. Но и порыв лютеран и других протестантов к чистоте библейского откровения тоже, согласно философу, закончился неудачей. Свои размышления философ строит в контексте анализа трудов католических (Э. Жильсон) и либеральных протестантских теологов – Э.Трельча, Ф. Лоофе, Р.Зееберга, А.Ричля, А. Гарнака. Фиксируя противоречивость и, подчас, односторонность в шестовском осмыслении христианства, признаем одну несомненную черту его взгляда: философ смотрел на христианство извне, не пережив его религиозного опыта. Как справедливо предполагает В.Л. Курабцев, «ему были, скорее всего, совершенно не знакомы, не прочувствованы не только светлые христианские пути (св. Серафима Саровского и др.), но и получаемые христианами <...> знаки веры, чувства – в стоянии у иконы, в молитве<...> как бы малые откровения» [7. С. 85].

Выводы

Шестов в поисках Бога отчаянно балансирует не между

конфессиями, религиозными верами, а между «личными глубинно-психологическими прозрениями (онтологического статуса). Он находил, что у каждой неповторимой и, возможно, предопределенной к какому-либо выбору личности – своя религиозная или нерелигиозная вера и свое религиозное или нерелигиозное откровение...». [7. С.84] Единственное, в чем Шестов не сомневается – в ценности Библии, во всемогуществе Бога Авраама, Исаака, Иакова, противостоящего царству Необходимости.

Лев Шестов в своих последних произведениях провозгласил так называемую «библейскую философию». На первый взгляд, это очень странное понятие, не привычное и для философов, и для религиоведов, ведь обычно считают, что Библия имеет отношение только к религии, христианской вере, а не к философии. Сам Шестов, по меньшей мере, два раза определил значение «библейской философии»: в книгах «На весах Иова» и «Афины и Иерусалим». Как и большинство русских философов, Лев Шестов предпочитает космологии антропологию: «библейская философия» происходит от «философии трагедии», и цель ее в том, чтобы, исследуя смысл жизни человека, найти способ выхода из трагедии.

Лев Шестов не создал философской системы и не претендовал на всеобщее признание своей концепции – он лишь подчеркивал коренную противоположность веры в Бога живого, библейского мышления, божественной свободы – вере в Бога философов, умозрительной философии и свободе выбора. Мыслитель не просто отрицает разум в повседневной жизни – он погружает и разум, и веру, философов и библейских пророков в глубину человеческого существования, в бездну страданий, трагедии, чтобы здесь убедиться в их силе и возможностях. Лишь тогда человек начинает искать веру, и искание это оказывается успешным только в открываемом библейским мышлением Боге, а не в умозрительной философии, – в этом видится нам смысл и цель «библейской философии» Л.И. Шестова.

Список литературы:

1. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Paris: La Presse Libre, 1993 Т.2. 117 с.

2. Бердяев Н.А. Самопознание/ Н. Бердяев. М.: Мысль, 1991. 398с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа: [Сборник] / Н. А. Бердяев; М.: Республика, 1994. 480с.
4. Бонецкая Н.К. Л.Шестов и Ф.Ницше/ Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 113 - 133
5. Зеньковский В.В. История русской философии. М.; Ростов- на- Дону: АСТ: Феникс, 1999. Т.2. ч.2. 378 с.
6. Каббала // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов - на - Дону.1977. С. 153
7. Курабцев В. Л. Миры и свободы и чудес Льва Шестова. М., РГО 2005.310 с.
8. Малерб М. Религии человечества / Мишель Малерб. М.; СПб.: Рудомино: Унив. кн., 1997. 600 с.
9. Сахарова Т.А. От философии существования к структурализму. М. 1974. 296 с.
- 10.Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. Соч. Т.4. Спб. 1905. 302 с.
- 11.Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления // Шестов Л. Философия трагедии. М. Фолио. 2001. 480 с.
- 12.Шестов Л.И. Афины и Иерусалим /Предисл. А.Н. Семенова. СПб: Азбука, 2001. 448 с .
- 13.Шестов Л.И. Великие кануны.// Шестов Л.И. Соч. Т.6. Спб.1912.
- 14.Шестов Л.И. На весах Иова. Париж.,1975. 375 с.
- 15.Шестов Л.И.На весах Иова Соч. в 2-х т. Т.2..М., 1993. 560 с.
- 16.Шестов Л.И. На весах Иова. Странствования по душам. Париж: Современные Записки. 1929. 375 с.
- 17.Шестов Л.И. Сочинения. М., 1995. 432 с.
- 18.Шестов Л.И.Sola fide...Париж, УМСА – PESS,1966. 293 с.